

*Моей жене
с любовью
посвящаю эту книгу*

Предисловие

Большая часть приключений, о которых рассказано в этой книге, взяты из жизни: одно-два пережиты мною самим, остальные мальчиками, учившимися вместе со мной в школе. Гек Финн списан с натуры, Том Сойер также, но не с одного оригинала — он представляет собой комбинацию черт, взятых у трех мальчиков, которых я знал, и потому принадлежит к смешанному архитектурному ордеру.

Дикие суеверия, описанные ниже, были распространены среди детей и негров Запада в те времена, то есть тридцать — сорок лет тому назад.

Хотя моя книга предназначена главным образом для развлечения мальчиков и девочек, я надеюсь, что ею не побрезгуют и взрослые мужчины и женщины, ибо в мои планы входило напомнить им, какими были они сами когда-то, что чувствовали, думали, как разговаривали и в какие странные авантюры иногда ввязывались.

*Автор
Хартфорд, 1876*

Глава I

— **Т**ом!
Ответа нет.

— Том!

Ответа нет.

— Удивительно, куда мог деваться этот мальчишка! Том, где ты?

Ответа нет.

Тетя Полли спустила очки на нос и оглядела комнату поверх очков, затем подняла их на лоб и оглядела комнату из-под очков. Она очень редко, почти никогда не глядела сквозь очки на такую мелочь, как мальчишка; это были парадные очки, ее гордость, приобретенные для красоты, а не для пользы, и что-нибудь разглядеть сквозь них ей было так же трудно, как сквозь пару печных заслонок. На минуту она растерялась, потом сказала — не очень громко, но так, что мебель в комнате могла ее слышать:

— Ну погоди, дай только до тебя добратся...

Не договорив, она нагнулась и стала тыкать щеткой под кровать, переводя дыхание после каждого тычка. Она не извлекла оттуда ничего, кроме кошки.

— Что за ребенок, в жизни такого не видывала!

Подойдя к открытой настежь двери, она остановилась на пороге и обвела взглядом свой огород —

грядки помидоров, заросшие дурманом. Тома не было и здесь. Тогда, возвысив голос, чтобы ее было слышно как можно дальше, она крикнула:

— То-о-ом, где ты?

За ее спиной послышался легкий шорох, и она оглянулась — как раз вовремя, чтобы ухватить за помочи мальчишку, пока он не прошмыгнул в дверь.

— Ну так и есть! Я и позабыла про чулан. Ты что там делал?

— Ничего.

— Ничего? Посмотри, в чем у тебя руки. И рот тоже. Это что такое?

— Не знаю, тетя.

— А я знаю. Это варенье — вот что это такое! Сорок раз я тебе говорила: не смей трогать варенье — выдеру! Поддай сюда розгу.

Розга засвистела в воздухе, — казалось, что беды не миновать.

— Ой, тетя, что это у вас за спиной?!

Тетя обернулась, подхватив юбки, чтобы уберечь себя от опасности. Мальчишка в один миг перемахнул через высокий забор и был таков.

Тетя Полли в первую минуту опешила, а потом добродушно рассмеялась:

— Вот и поди с ним! Неужели я так ничему и не выучусь? Мало ли он со мной выкидывает фокусов? Пора бы мне, кажется, поумнеть. Но нет хуже дурака, как старый дурак. Недаром говорится: «Старую собаку не выучишь новым фокусам». Но ведь, господи ты боже мой, он каждый день что-нибудь

да придумает, где же тут угадать. И как будто знает, сколько времени можно меня изводить; знает, что стоит ему меня рассмешить или хоть на минуту сбить с толку, у меня уж и руки опускаются, я даже шлепнуть его не могу. Не выполняю я своего долга, что греха таить! Ведь сказано в Писании: кто щадит младенца, тот губит его. Ничего хорошего из этого не выйдет, грех один. Он сущий чертенок, знаю, но ведь он, бедняжка, сын моей покойной сестры, у меня как-то духу не хватает наказывать его. Потакать ему — совесть замучит, а накажешь — сердце разрывается. Недаром ведь сказано в Писании: век человеческий краток и полон скорбей; думаю, что это правда. Нынче он отлынивает от школы; придется мне завтра наказать его — засажу за работу. Жалко заставлять мальчика работать, когда у всех детей праздник, но работать ему всего тяжелей, а мне надо исполнить свой долг — иначе я погублю ребенка.

Том не пошел в школу и отлично провел время. Он еле успел вернуться домой, чтобы до ужина помочь негритенку Джиму напилить на завтра дров и наколоть щепок для растопки. Во всяком случае, он успел рассказать Джиму о своих похождениях, пока тот сделал три четверти работы. Младший (или, скорее, сводный) брат Тома, Сид, уже сделал все, что ему полагалось (он подбирал и носил щепки): это был послушный мальчик, не склонный к шалостям и проказам.

Покуда Том ужинал, при всяком удобном случае таская из сахарницы куски сахара, тетя Полли задавала ему разные каверзные вопросы, очень хитрые и мудреные, — ей хотелось поймать Тома врасплох, чтобы он проговорился. Как и многие простодушные люди, она считала себя большим

дипломатом, способным на самые тонкие и таинственные уловки, и полагала, что все ее невинные хитрости — чудо изворотливости и лукавства. Она спросила:

— Том, в школе было не очень жарко?

— Нет, тетя.

— А может быть, очень жарко?

— Да, тетя.

— Что ж, неужели тебе не захотелось выкупаться, Том?

У Тома душа ушла в пятки — он почуял опасность.

Он недоверчиво посмотрел в лицо тете Полли, но ничего особенного не увидел и потому сказал:

— Нет, тетя, не очень.

Она протянула руку и, пощупав рубашку Тома, сказала:

— Да, пожалуй, ты несколько не вспотел. — Ей приятно было думать, что она сумела проверить, сухая ли у Тома рубашка, так, что никто не понял, к чему она клонит.

Однако Том сразу почуял, куда ветер дует, и предупредил следующий ход:

— У нас в школе мальчики обливали голову из колодца. У меня она и сейчас еще мокрая, поглядите!

Тетя Полли очень огорчилась, что упустила из виду такую важную улику. Но тут же вдохновилась опять.

— Том, ведь тебе не надо было распарывать воротник, чтобы окатить голову, верно? Расстегни куртку!

Лицо Тома просияло. Он распахнул куртку — воротник был крепко зашит.

— А ну тебя! Убирайся вон! Я, признаться, думала, что ты сбежишь с уроков купаться. Так и быть, на этот раз я тебя прощаю. Не так ты плох, как кажешься.

Она и огорчилась, что пронизательность обманула ее на этот раз, и радовалась, что Том хоть случайно вел себя хорошо.

Тут вмешался Сид:

— Мне показалось, будто вы зашили ему воротник белой ниткой, а теперь у него черная.

— Ну да, я зашивала белой! Том!

Но Том не стал дожидаться продолжения. Выбегая за дверь, он крикнул:

— Я это тебе припомню, Сидди!

В укромном месте Том осмотрел две толстые иголки, вколотые в лацканы его куртки и обмотанные ниткой: в одну иголку была вдета белая нитка, в другую — черная.

— Она бы ничего не заметила, если бы не Сид. Вот черт! То она зашивает белой ниткой, то черной. Хоть бы одно что-нибудь, а то никак не уследишь. Ну и отлуплю же я Сиду. Будет помнить!

Том не был самым примерным мальчиком в городе, зато очень хорошо знал самого примерного мальчика — и терпеть его не мог.

Через две минуты, и даже меньше, он забыл все свои несчастья. Не потому, что эти несчастья были не так тяжелы и горьки, как несчастья взрослого человека, но потому, что новый, более сильный интерес вытеснил их и изгнал на время из его души, — совершенно так же, как взрослые забывают в волнении свое горе, начиная какое-нибудь новое дело. Такой новинкой была особенная манера свистеть, которую он только что перенял у одного негра, и теперь ему хотелось поупражняться в этом искусстве без помехи.

Это была совсем особенная птичья трель — нечто вроде заливистого щебета; и для того чтобы она получилась, надо было то и дело дотрагиваться до нёба языком, — читатель, верно, помнит, как это делается, если был когда-нибудь мальчишкой. Приложив к делу старание и терпение, Том скоро приобрел необходимую сноровку и зашагал по улице еще быстрее, — на устах его звучала музыка, а душа преисполнилась благодарности. Он чувствовал себя, как астроном, открывший новую планету, — и без сомнения, если говорить о сильной, глубокой, ничем не омраченной радости, все преимущества были на стороне мальчика, а не астронома.

Летние вечера тянутся долго. Было еще совсем светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомый мальчик чуть побольше его самого. Приезжий любого возраста и пола был редкостью в захудалом маленьком городишке Сент-Питерсберге. А этот мальчишка был еще и хорошо одет — подумать только, хорошо одет в будний день! Просто удивительно. На нем были совсем новая

франтовская шляпа и нарядная суконная куртка, застегнутая на все пуговицы, и такие же новые штаны. Он был в башмаках — это в пятницу-то! Даже галстук у него имелся — из какой-то пестрой ленты. И вообще вид у него был столичный, чего Том никак не мог стерпеть. Чем дольше Том смотрел на это блистающее чудо, тем выше он задира л нос перед франтом-чужаком и тем более жалким казался ему его собственный костюм. Оба мальчика молчали. Если двигался один, то двигался и другой — но только боком, по кругу; они все время стояли лицом к лицу, не сводя глаз друг с друга. Наконец Том сказал:

— Хочешь, поколочу?

— А ну, попробуй! Где тебе!

— Сказал, что поколочу, значит, могу.

— А вот и не можешь.

— Могу.

— Не можешь!

— Могу.

— Не можешь!

Тягостное молчание. После чего Том начал:

— Как тебя зовут?

— Не твое дело.

— Захочу, так будет мое.

— Ну так чего ж не дерешься?

— Поговори еще у меня, получишь.

— И поговорю, и поговорю — вот тебе.

— Подумаешь, какой выискался! Да я захочу, так одной левой рукой тебя побью.

— Ну так чего ж не бьешь? Только разговариваешь.

— Будешь дурака валять — и побью.

— Ну да — видали мы таких.

— Ишь, вырядился! Подумаешь, какой важный! Еще и в шляпе!

— Возьми да сбей, если не нравится. Попробуй сбей — тогда узнаешь.

— Врешь!

— Сам врешь!

— Где уж тебе драться, не посмеешь.

— Да ну тебя!

— Поговори еще у меня, я тебе голову кирпичом проломлю!

— Как же, так и проломил!

— И проломлю.

— А сам стоишь? Разговаривать только мастер. Чего ж не дерешься? Боишься, значит?

— Нет, не боюсь.

— Боишься!

— Нет, не боюсь.

— Боишься!

Опять молчание, опять оба начинают наступать боком, косясь друг на друга. Наконец сошлись плечо к плечу. Том сказал:

— Убирайся отсюда!

— Сам убирайся!

— Не хочу.

— И я не хочу.

Каждый стоял, выставив ногу вперед, как опору, толкаясь изо всех сил и с ненавистью глядя друг на друга. Однако ни тот, ни другой не мог одолеть. Наконец, разгоряченные борьбой и покрасневшие, они осторожно отступили друг от друга, и Том сказал:

— Ты трус и щенок. Вот скажу моему старшему брату, чтоб он тебе задал как следует, так он тебя одним мизинцем поборот.

— А мне наплевать на твоего старшего брата! У меня тоже есть брат, еще постарше. Возьмет да как перебросит твоего через забор! (Никаких братьев и в помине не было.)

— Все враки.

— Ничего не враки, мало ли что ты скажешь.

Большим пальцем ноги Том провел в пыли черту и сказал:

— Только перешагни эту черту, я тебя так отлуплю, что своих не узнаешь. Попробуй только, не обрадуешься.

Новый мальчик быстро перешагнул черту и сказал:

— Ну-ка попробуй, тронь!

— Ты не толкайся, а то как дам!

— Ну, погляжу я, как ты мне дашь! Чего же не дерешься?

— Давай два цента, отлуплю.

Новый мальчик достал из кармана два больших медяка и насмешливо протянул Тому. Том ударил его по руке, и медяки полетели на землю. В тот же миг оба мальчика покатались в грязь, сцепившись по-кошачьи. Они таскали и рвали друга друга за волосы и за одежду, царапали носы, угощали один другого тумачами — и покрыли себя пылью и славой. Скоро неразбериха прояснилась, и сквозь дым сражения стало видно, что Том оседлал нового мальчика и молотит его кулаками.

— Проси пощады! — сказал он.

Мальчик только забарахтался, пытаясь высвободиться. Он плакал больше от злости.

— Проси пощады! — И кулаки заработали снова.

В конце концов чужак сдавленным голосом запросил пощады, и Том выпустил его, сказав: